
Н. Д. КАШКИН
ВОСПОМИНАНИЯ
О
П. И. ЧАЙКОВСКОМ
ПЛАНЕТА МУЗЫКИ
MUSIC PLANET
ЛАНЬ

Николай Кашкин

# Воспоминания о П. И. Чайковском

Издательство «Планета музыки»

2022

УДК 78.071.1
ББК 85.313(2)1-8 Чайковский П.И.

**Кашкин Н. Д.**

Воспоминания о П. И. Чайковском / Н. Д. Кашкин — Издательство «Планета музыки», 2022

ISBN 978-5-4495-1648-0

Книга профессора Московской консерватории Николая Дмитриевича Кашкина представляет собой воспоминания автора о великом русском композиторе П. И. Чайковском. Повествование от первого лица делает ее наиболее привлекательной для поклонников творчества Петра Ильича, а также для биографов. Помимо этого, в книге упоминаются и другие известные люди того времени, поскольку их творческая жизнь так или иначе была связана между собой. Книга рекомендована музыковедам, преподавателям и учащимся музыкальных училищ и вузов, историкам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся жизнью и творчеством великого композитора. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 78.071.1
ББК 85.313(2)1-8 Чайковский П.И.

ISBN 978-5-4495-1648-0

© Кашкин Н. Д., 2022
© Издательство «Планета музыки», 2022

# Содержание

Глава I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 14

# Николай Кашкин
# Воспоминания о П. И. Чайковском

Издание четвертое, стереотипное

**Kashkin N. D.** Memoirs of **P.** I. Tchaikovsky / **N. D.** Kashkin. – 4th edition, ster. – Saint Petersburg: Lan: The Planet of Music, 2022. – 188 p. – Text: direct.

The book by professor of the Moscow Conservatory Nikolai Dmitrievich Kashkin represents the author's memories of the great Russian composer P. I. Tchaikovsky. The first-person narrative makes it the most attractive for fans of Pyotr Ilyich's work, as well as for biographers. In addition, other famous people of that time are mentioned in the book, since their creative life was somehow interconnected.

The book is recommended to musicologists, teachers and students of music colleges and high schools, historians, culture researchers, as well as a wide range of readers interested in the life and work of the great composer.

Обложка была разработана с использованием ресурсов из freepik.com

ЛАНЬ
ПЛАНЕТА МУЗЫКИ
MUSIC PLANET

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2022
© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», художественное оформление, 2022

# Глава I

25 октября 1893 года в Петербурге скончался от холеры Петр Ильич Чайковский. Кончина эта во многом изменила положение русской музыки; из рядов ее представителей внезапно ушел самый энергичный, неутомимый, талантливый деятель, бесконечно преданный своему делу и служивший примером для всех других. Не нам ценить значение покойного в искусстве: оставленное им художественное наследие так велико и богато, занимает такое высокое место в русском искусстве, что вполне верный приговор ему может быть сделан лишь будущими поколениями; мы же стоим еще слишком близко к этой высокой художественной силе, безвременно угасшей, чтобы окинуть всю ее беспристрастным и вполне сознательным мысленным взором. Имя Чайковского было знаменито не в одной России, весь цивилизованный мир знал его и не много имен между современными музыкантами было окружено таким ярким ореолом славы, особенно там, где русские друзья не успели внести свою лепту на алтарь собственной ограниченности, разъясняя читающей публике преувеличенность якобы ее симпатий к любимому композитору.

Жизнь людей, подобных моему почившему другу, как я имею смелость называть его, представляет настолько выдающийся интерес, что даже мелочные подробности ее могут быть ценными, позволяя иногда яснее понимать и ценить совершенное ими в деле искусства. Мне, пишущему эти строки, довелось быть близким к покойному, в особенности в первой половине его композиторской деятельности, пока он состоял профессором московской консерватории, и потому я считаю своей обязанностью записать мои воспоминания о нем, не задаваясь определенной программой, не делая выбора, а просто сообщая все, что придет на память из его жизни. Быть может при этом придется упоминать и о других лицах, касаться некоторых подробностей московской жизни, но я постараюсь ограничиться в этом отношении лишь необходимым, и не отклоняться по возможности от главного предмета. Считая воспоминания мои просто материалом для будущего биографа, я не буду заботиться особенно о стройности литературной формы и потому заранее должен просить снисхождения за могущую встретиться бессвязность и отрывочность рассказа.

* * *

Впервые узнал я имя Чайковского в 1864-65 г. из писем ко мне Г. А. Лароша, бывшего вместе с ним учеником петербургской консерватории и писавшего о нем, как о будущей звезде русской музыки; эти письма имели, кажется, влияние на приглашение Петра Ильича в Москву и потому я о них упоминаю. В Москве существовали с 1863 года открытые музыкальным Обществом классы, служившие подготовлением для будущей консерватории. Гармонию в классах преподавал Н.Г. Рубинштейн, но он мог уделять на это очень мало времени и притом сам предмет мало интересовал его; во всяком случае для консерватории, открытие которой предполагалось в 1866 году, необходим был преподаватель этого предмета, а также и других отделов теории музыки. В то время в России было очень немного людей, которым возможно было бы поручить такое дело, и выбор Н.Г. Рубинштейна остановился сначала на А. Н. Серове, который дал было свое согласие, но колоссальный успех *Рогнеды* в Петербурге и неуспех *Юдифи* в Москве приковал его к Петербургу и заставил отказаться от московской деятельности. Отказ этот воспоследовал осенью 1865 года и тогда, не видя другого исхода, Н.Г. Рубинштейн решился взять одного из учеников петербургской консерватории, первый выпуск которой предстоял в декабре 1865 года. (В первые годы существования петербургской консерватории выпускные экзамены бывали в декабре). Когда Н. Г. сообщил мне о своем намерении,

то я поспешил ему показать письма Ларош, где говорилось о Чайковском, и таким образом последний был намечен кандидатом. Отправившись в Петербург, Н. Г. увиделся с Г. А. Ларошем, усиленно старавшемся об успехе кандидатуры своего товарища и друга, а личное свидание с П. И. Чайковским и впечатление, им произведенное, заставило Н. Г. Рубинштейна принять окончательное решение и пригласить П. И. даже вопреки советам Н. И. Зарембы, бывшего тогда профессором теории музыки в петербургской консерватории и предлагавшего другое лицо, также из числа оканчивающих курс, Г. И. Кросса, бывшего потом профессором фортепиано в Петербургской консерватории и скончавшегося несколько лет назад. Основанием для предпочтения, оказанного Н.И. Зарембой последнему, были вероятно более зрелый возраст (Г. И. Кроссу было тогда около 40 лет) и педагогическая опытность, ибо Г. И. Кросс еще до поступления своего в число учеников петербургской консерватории был уже довольно известным в Петербурге фортепианным учителем и пианистом, между тем как П.И. начал серьезные музыкальные занятия менее нежели за три года до времени, о котором говорится. Впрочем в консерватории в последние полтора года он исправлял уже должность репетитора по классу гармонии, то есть поправлял задачи учащихся, потому что Н.И. Заремба, ученый музыкант и превосходный лектор, не имел, кажется, способности достаточно быстро выполнять эту работу или, быть может, она казалась ему просто слишком скучной.

Невзирая на это обстоятельство, в Петербурге Чайковскому не особенно доверяли; музыкантам вероятно казалось сомнительным, чтобы светский молодой человек, дилетант в 2 ½, или 3 года мог сделаться вполне законченным, серьезным музыкантом. Такое недоверие оправдывалось тем, что никому почти не была известна та невероятно огромная энергия, которую молодой музыкант вкладывал в свои классные работы.

Мне представляется не лишним упомянуть здесь о некоторых обстоятельствах, сопровождавших поступление Петра Ильича в консерваторию, как он нам рассказывал их.

Окончив в 1859 г. курс в училище правоведения, он поступил в службу в департамент министерства юстиции вел жизнь светского молодого человека. В обществе Петр Ильич блистал, между прочим, своими музыкальными талантами; в училище он был учеником известного пианиста и педагога Р. Кюндингера и с большим эффектом играл две des-dur'ных пьесы: *Ноктюрн* Дёлера и *Aufforderung zum Tanz* Вебера. Питая с детства страсть к музыке, будущий автор *Онегина* не смел и думать сделаться музыкантом; по господствующим тогда воззрениям в обществе это было совсем немыслимо, у Петра Ильича был родственник, кузен, молодой конногренадерский офицер, также очень любивший музыку и усердно занимавшийся ею. Молодые люди часто встречались в обществе и до известной степени соперничали своими музыкальными талантами. Дальше я буду, сколько припомню, говорить словами самого Петра Ильича: «Однажды», рассказывал он, «мы встретились где-то с ***, стали говорить о музыке и он между прочим сказал, что может сделать переход из одного тона в какой угодно другой не более как в три аккорда. Меня это заинтересовало и к удивлению моему какие ни придумывал я далекие переходы, они моментально исполнялись. Я считал себя в музыкальном отношении более талантливым, нежели ***, а между тем я и подумать не мог, проделать тоже самое. Когда я спросил где он научился этому, то узнал, что существуют классы теории музыки, открытые русским музыкальным обществом, где можно узнать все эти премудрости; я немедленно отправился в эти классы и записался слушателем у Н. И. Зарембы».

Такое незначительное по-видимому обстоятельство послужило поворотным пунктом во всей жизни Петра Ильича. Впрочем первое время он, посещая классы и слушая лекции Зарембы, сам почти не работал, а следовательно оставался на уровне дилетантском отношению к делу. Но все изменилось вследствие вмешательства еще нового лица, А. Г. Рубинштейна, очень интересовавшегося классом теории музыки и часто бывавшего в нем. Во время этих посещений и просмотра работ учащихся А. Г. тотчас же отличил выдающиеся способности молодого человека, но в тоже время заметил и небрежность его в занятиях. А. Г. поступил

со свойственной ему решимостью и прямотой; он обратился однажды после класса к привлекшему на себя его внимание ученику, сказал свое мнение о его таланте и вместе с тем обратился с просьбой или заниматься вполне серьезно, или покинуть классы, потому что, как говорил А. Г., он не мог переносить поверхностного отношения к делу со стороны столь даровитого молодого человека. Петр Ильич питал в то время к А. Рубинштейну просто чувство обожания и сказанное им решило его судьбу бесповоротно: служба и светская жизнь отошли совершенно в сторону, их сменило страстное увлечение занятиями музыкой. Молодой человек обнаружил в этом отношении невероятную, сказочную энергию; некоторое понятие могут дать слова А. Г. Рубинштейна, сказанные им в моем присутствии и в присутствии Петра Ильича, когда последний был уже профессором московской консерватории: «Чайковский работал удивительно», говорил А. Г. «Однажды в классе композиции я задал ему написать контрапунктические вариации на данную тему и прибавил, что в подобной работе имеет значение не только ее качество, но и количество, предполагая при этом, что он напишет десяток, другой вариаций, а вместо того на следующий класс я получил их кажется более двухсот. «Куда же мне было», с добродушным смехом прибавил рассказчик, «просмотреть все это, пришлось бы употребить гораздо больше времени, нежели во сколько он были написаны». Посредством такой работы молодой дилетант в три года успел сделаться вполне законченным музыкантом, что доказала его экзаменационная работа: кантата для соло, хора и оркестра на текст из оды Шиллера «К радости». Кантата эта сохранилась и мне кажется ее бы следовало напечатать, да и сам автор даже в последнее время своей жизни говорил, что совсем не считает эту кантату очень слабой работой и охотно бы увидал ее в печати.

В Москву Чайковский приехал в первых числах января 1866 г. и немедленно вступил в исполнение обязанностей преподавателя по классу гармонии. Московское отделение музыкального общества не располагало тогда большими денежными средствами, расходы по содержанию классов сокращались насколько возможно и самые классы помещались при квартире Н. Г. Рубинштейна, на Моховой, в доме Воейковой, ныне графини Крейц; Общество платило половину стоимости всей квартиры, а преподаватели классов пения и инструментальных получали вознаграждение непосредственно от учащихся по восьми рублей в месяц за два урока в неделю. В теоретических классах плата была гораздо меньше, едва ли не по два рубля в месяц. Когда приглашен был П. И. Чайковский, в классе гармонии учащихся было немного и платой с них труд преподавателя во всяком случае не оплачивался, поэтому ему было предложено по 50 рублей в месяц впредь до открытия консерватории, которое предполагалось в ближайшем сентябре. Хотя жизнь в Москве была в то время много дешевле, нежели теперь, но и тогда 50 р. в месяц были деньги небольшие и Н. Г. Рубинштейн, которого П. И. с первого раза очаровал своей изящной скромностью, еще в Петербурге предложил ему поселиться пока у него, вследствие чего новый преподаватель прямо со станции железной дороги приехал в квартиру Рубинштейна со всем своим небольшим багажом. У Рубинштейна жил тогда молодой скрипач, г. Шрадик, приобретший впоследствии европейскую известность, так что в квартире, кроме самого хозяина, было двое жильцов. Сам Рубинштейн видел своих жильцов только за утренним чаем, после которого он уезжал и возвращался обыкновенно поздней ночью; исключения из этого общего правила были редки. Шрадик был, что называется, человеком покладистым и для сожительства вполне удобным, но он по несколько часов в день играл на скрипке и в это время был, конечно, соседом не особенно приятным; впрочем он скоро уехал на отдельную квартиру. Придя однажды утром в свой фортепианный класс, я узнал от Н. Г. Рубинштейна о том, что его новый жилец прибыл и уже водворился в своей комнате; вместе с тем он предложил мне познакомиться с ним немедленно, на что я изъявил полнейшее согласие, и мы отправились в квартиру Рубинштейна, где я и увидел в первый раз Петра Ильича, который показался мне очень привлекательным и красивым; по крайней мере в лице его был ясный отпечаток талантливости и вместе с тем оно светилось добротой и умом. Через посредство Г. А. Лароша мы

уже ранее знали друг друга заочно, вследствие чего мы встретились уже почти как знакомые и наши отношения сразу приняли простой, товарищеский характер. Сколько мне помнится, я тут же предложил П.И. отправиться по окончании моего класса ко мне обедать, на что он согласился и через несколько часов уже сидел в моей квартире. За обедом у нас, конечно, завязались оживленные разговоры и мы проболтали очень долго, а может быть и поиграли в 4 руки на фортепьяно, что П. И. всегда очень любил. Обед и послеобеденная беседа укрепили мои симпатии к новому товарищу; нас сближала не только музыка, в которой вкусы наши очень сходились, но и литература. П.И. всегда много читал, я также был близко знаком в особенности с русской литературой, и обсуждения различных писателей, поэтов и композиторов давали нам неистощимые темы для разговоров. В то время, кроме Глинки и Моцарта, занимавших в его музыкальных симпатиях всегда первое место, П. И. очень увлекался Шуманом, преклонялся, разумеется, перед Бетховеном, но не особенно любил Шопена, находя у него некоторую болезненность выражения, а также избыток личной чувствительности; пылкие, мужественные порывы Шумана и его мечтательная сентиментальность привлекали его более. Впоследствии исполнение Шопена Н. Г. Рубинштейном заставило его в значительной степени изменить свое мнение; впрочем и ранее он находил у Шопена гениальные черты, особенно в его этюдах и прелюдиях. В литературе, кроме Гоголя и Пушкина, Чайковский был восторженным поклонником Островского, Толстого и Тургенева, в особенности первых двух, а также и Достоевского. Французским языком П. И. владел прекрасно и хотя читал довольно много на этом языке, но не придавал особенного значения французской литературе, по крайней мере по сравнению с русской. По-немецки он тогда знал мало и совсем не читал, а из английской литературы знал только некоторые из романов Диккенса и Теккерея в русских переводах, английского же языка он совсем не знал до последнего десятилетия своей жизни.

Я уже упоминал, что внешний вид П.И. производил весьма выгодное впечатление, но нельзя было сказать того же о его костюме. Он приехал в Москву в необыкновенно старой енотовой шубе, которую дал ему А. Н. Апухтин, употреблявший ее в деревенских поездках; сюртук и прочие принадлежности костюма гармонировали с шубой, так что в общем новый преподаватель был одет не только скромно, но просто очень бедно, что, впрочем, не помешало ему произвести прекрасное впечатление на учащихся при своем появлении в классах: в фигуре и манерах его было столько изящества, что оно с избытком покрывало недочеты костюма. Однако Н. Г. Рубинштейн нашел, что новому преподавателю не мешает приобрести новый сюртук и предложил было ему кредит своего портного, но потом вспомнил, что Генрих Венявский, всегда останавливавшийся у Рубинштейна при своих приездах в Москву, забыл, у него в последний раз сюртук, почти новый; так как прошла уже годичная давность, то сюртук поступил во владение П.И. и таким образом расхода на этот предмет можно было избежать. Правда, Венявский был значительно выше П.И. и толще, так что сюртук был не совсем впору, но молодой композитор этим не стеснялся и носил его с таким гордым достоинством, как будто это было платье от лучшего портного. В преподавании гармонии П. И. ввел коренные изменения. Н. Г. Рубинштейн руководствовался книжкой своего учителя Дена, в которой все излагалось в виде примеров на цифрованном басе; сверх того, книжка имела то неудобство, что была на немецком языке, многим из учащихся недоступном. П.И. гармонию проходил у Н. И. Зарембы, который преподавал по системе своего учителя, известного теоретика А. Б. Маркса, приводившего все к гармонизации данного верхнего голоса. Не рискуя с самого начала применять какое-нибудь самостоятельные приемы преподавания, П.И. следовал неуклонно системе, по которой сам учился; впоследствии он изменил свой взгляд на этот предмет и почти половину курса гармонии пользовался упражнениями на цифрованном басе. Учащиеся очень скоро оценили и полюбили своего молодого преподавателя, умеющего объяснять все живо и хорошо, а кроме того бывшего безукоризненно добросовестным и аккуратным в своих занятиях. Сам П.И. всегда считал себя плохим педагогом, но в этом отношении он был несправедлив. Он не

имел, правда, никакой склонности к учительству, занимался этим делом скрепя сердце, как наиболее удобным трудом для приобретения средств к существованию, но безукоризненная добросовестность, ум и знание дела поневоле заставили его быть хорошим преподавателем, в особенности для учеников более талантливых, с которыми он мог объясняться прямо примерами из богатого запаса своей музыкальной памяти.

Немедленно по приезде П.И. в Москву, Н.Г. Рубинштейн предложил ему написать что-нибудь для исполнения в одном из концертов музыкального Общества; предложение это вполне соответствовало желаниям самого композитора, и он немедленно принялся за работу. Квартира Н.Г. Рубинштейна имела то неудобство, что рядом помещался фортепианный класс и долетавшая оттуда музыка была большой помехой, не говоря о времени, когда упражнялся на скрипке Шрадик. Были, конечно, и свободные часы, но сравнительно немного, а работать поздно вечером П. И. никогда не любил и прибегал к этому средству в самых крайних случаях спешной работы. Нужда, как говорят, научит калачи есть, научила она и П.И. находить удобное для занятий композицией место и притом место в высшей степени оригинальное. Тогда существовал против манежа на Неглинной трактир «Великобритания», бывший в 50-х годах главным местом студенческих собраний, потому что он был ближе всех в помещениям казеннокоштных студентов университета, проводивших в этом трактире едва ли не все свое свободное время. В 1866 году казенных квартир для студентов уже не существовало, обитатели их разбрелись по всему городу, и прежний характер «Великобритании» утратился. В том же доме и теперь есть трактир, но он помещается внизу, а прежний был в верхнем этаже; по вечерам там было шумно и многолюдно, но утром обыкновенно посетители отсутствовали, кроме, разве, нескольких студентов, игравших на бильярде; остальные залы, довольно большие и высокие, бывали почти пусты. В этих залах, сидя за чаем, с карандашом и нотной бумагой в руках, молодой композитор набросал эскизы нескольких из своих первых сочинений; вследствие малого числа посетителей трактирный орган молчал, что имело особенную привлекательность для музыканта, убегавшего от музыки из своей квартиры.

Новое сочинение, концертная увертюра C-moll, было вскоре окончено, но Н.Г. Рубинштейну оно не понравилось, и потому осталось не исполненным; эта увертюра в настоящее время и находится в бумагах покойного в Клину, или у С. И. Танеева; мне никогда не приходилось ни видеть увертюру, ни слышать что-либо из нее. Неудача с первым сочинением, написанным в Москве, не могла не отозваться болезненно на душе автора, но видно было, что он не был избалован отзывами вообще, ибо хотя немного посердился на придирчивость и бездоказательность, как он говорил, критики Н. И. Рубинштейна, но готов был немедленно приняться за другое сочинение, лишь бы добиться исполнения в концерте музыкального Общества, только времени до конца сезона оставалось слишком мало и о новом сочинении нельзя было и думать: тогда П. И. предложил одну из работ, написанных еще в петербургской консерватории: концертную увертюру F-dur для маленького оркестра. Эту увертюру Н. Г. Рубинштейн согласился исполнить, но с тем, чтобы она была переделана для большого оркестра с тромбонами, что повлекло за собою значительные изменения в самой форме сочинения. Г. А. Ларош, знавший увертюру в первоначальной редакция по исполнению в петербургской консерватории, говорил, что в новом своем виде сочинение это проиграло относительно стройности формы и цельности характера. Как бы то ни было, но переделанная увертюра была исполнена 4 марта 1866 года в бенефисном концерте Н.Г. Рубинштейна и хотя не имела блестящего успеха, но заставила, особенно музыкантов, обратить внимание на молодого композитора. Сочинение это никогда потом более не исполнялось и не было напечатано. Партитура его, должно быть, уцелела, но где находится в настоящее время – неизвестно; я был уверен, что она хранится в консерваторской библиотеке, но в недавнее время, наведя справки, узнал, что ее там нет; стоило бы поискать эту увертюру и напомнить о ней путем издания или исполнения. Для начинающего композитора даже та легкая тень успеха, который он имел в концерте 4 марта, имела большое значение, он

жаждал поддержки и поощрения, но до того времени почти не встречал ни того, ни другого. В петербургской консерватории, правда, при выпуске он получил серебряную медаль за экзаменационное сочинение, о котором я упоминал, но само сочинение, весьма значительное по объему, прошло незамеченным; только месяца два спустя влиятельный в то время музыкальный критик *Петербургских Ведомостей* поместил о ней коротенький отзыв, не значительный по содержанию, но очень обидный по своему высокомерно-презрительному тону.

В эту зиму П. И., кажется, не написал ничего больше, если не считать первоначальные наброски первой симфонии *Зимние Грезы,* оконченной гораздо позже. Быть может в эти же первые месяцы пребывания в Москве была им написана аранжировка для левой руки *Perpetuum mobile* из первой сонаты Вебера, сделанная по просьбе Н.Г. Рубинштейна для употребления в виде технического упражнения в его фортепианном классе, но, быть может, что это сделано и годом позже; во всяком случае аранжировка эта была напечатана несколько лет спустя. П.И. в этом же году сделал аранжировку в четыре руки для фортепиано концертной увертюры А. Г. Рубинштейна *Иван Грозный;* работа эта была сделана за 15 руб., что по тогдашнему времени было хорошей платой, ибо русские композиторы получали за свои произведения весьма небольшое вознаграждение, так, например, Даргомыжский, продавая тогда же свои новые романсы, сам назначал им цену от 5 до 20 руб., смотря по предполагаемой им вероятности их успеха. В этом же году отдан был П.И. Юргенсону перевод учебника инструментовки Геварта, сделанный еще в Петербурге по указанию А. Г. Рубинштейна. В этом переводе есть несколько примечаний переводчика и два или три примера из Глинки, которыми П.И. дополнил примеры оригинала.

Москва, как город, не понравилась в первое время ее будущему поклоннику. Правда, он придавал большое значение памятникам московской старины, восхищался живописными видами Кремля и других частей города, но его грязные, топкие тротуары, отсутствие удобств для людей с очень небольшими средствами его возмущали и он всеми своими симпатиями принадлежал Петербургу, далеко превосходящему Москву в этих элементарных удобствах. Конечно очень важную роль в этих симпатиях имели и личные отношения; в Петербурге оставались отец, братья, бывшие тогда еще в училище правоведения, к которым он, будучи 10 годами старше, относился с какой-то отеческой нежностью, многое друзья и товарищи юности. Влечение к Петербургу было у П. И. так велико, что несмотря на скудность своих средств, он съездил однажды в Петербург ради одного или двух дней, там проведенных, благодаря какому-то празднику. Впрочем и поездка обошлась недорого: он ездил конечно в 3 классе, стоившем тогда за весь путь до Петербурга 4 рубля. К числу притягательных сил Петербурга принадлежал А. Г. Рубинштейн, которого молодой артист почти обожал, как артиста и человека, а его московского брата он в то время еще очень мало знал. Между своими новыми товарищами по преподаванию Чайковский познакомился с И. Венявским, А. Дором и Б. Вальзек.

В квартире Рубинштейна П. И. поселился довольно удобно. Сам Рубинштейн дома никогда не обедал, а П. И. брал себе обед из меблированных комнат этажом выше в том же доме, где они и теперь находятся. Обед состоял из двух блюд, стоил 25 копеек и был, конечно, довольно плох. Иногда вместо этого обеда П.И. отправлялся в тогдашний Московский трактир Гурина и съедал там тарелку суточных щей с кашей, которые он любил. Вечером И. И. как я уже говорил, не работал, а потому проводил время либо в гостях, либо в театре. Любезные свойства характера, которые он сохранил до конца дней, привлекали к нему всех, кому случалось приходить с ним в соприкосновение, вследствие чего круг его московских знакомств быстро расширялся. Не говоря о членах тогдашней дирекции музыкального Общества, радушно принимавших у себя многообещающего молодого человека, многие из лиц московского общества интересовались им и приглашали его к себе. П. И., не чувствовавший особенной склонности ни к чему, сколько-нибудь напоминавшему светскую жизнь, пользовался сравнительно мало этими знаками расположения к нему, скорее он предпочитал провести вечер у меня или у П.И.

Юргенсона, где иногда играли в карты, а потом ужинали. Театры брали также немало вечеров; Большой театр, хотя имел в составе труппы таких выдающихся артисток, как А. Д. Александрова (Кочетова) или И. И. Оноре, но оперный репертуар и ансамбль исполнения стояли на уровне очень невысоком. Гораздо более интересовал молодого петербуржца, бывшего страстным любителем драматической сцены, Малый театр с его образцовой труппой и безукоризненным ансамблем. П. И. был восторженным поклонником Островского, в то время его пьесы исполнялись так, как никогда и нигде исполняться не будут. Островский в своих созданиях с рельефностью ваятеля запечатлел дореформенные типы московской жизни; тогда еще родные братья и сестры героев и героинь его комедий встречались везде, так что исполнителям можно было копировать живую натуру; теперь наружные, по крайней мере, формы этих типов изменились, а прежние почти обратились в предание и олицетворять их приходится уже по воспоминаниям. Вообще Малый театр был, как и теперь, одним из лучших, украшений Москвы и далеко превосходил сцену Александрийского театра в Петербурге.

Одним из мест, часто посещаемых П. И., был Артистической Кружок, превратившийся впоследствии в обыкновенный клуб средней руки, но тогда бывший центром, в котором собирались писатели, артисты Малого театра, музыканты и вообще люди, интересующиеся искусством и литературой. Кружок был основан Н.Г. Рубинштейном при содействии Островского и князя В. Ф. Одоевского и в первые годы своего существования собирал в своем помещении на Тверском бульваре, в доме Пукирева, лучшую часть интеллигентного общества Москвы. Собрания Кружка не имели определенной программы, но почти всякий день устраивалось что-нибудь более или менее интересное. Очень нередко происходили чтения новых литературных произведений, в этих чтениях принимали участие Островский, Писемский, Чаев, Плещеев, граф В. Ф. Соллогуб и др. Часто устраивались музыкальные вечера, в которых иногда играли квартеты, трио и т. д. или же принимали участие солисты из наиболее выдающихся; обыкновенно всякий приезжий виртуоз прежде всего играл в Артистическом Кружке. В числе посетителей бывало много дам, вследствие чего устраивались танцы, причем таперами были все пианисты, начиная с Рубинштейна, и вообще музыканты. Иногда музыку танцев импровизировали Рубинштейн и Венявский одновременно на двух фортепьяно и на данные темы. Благодаря тому, что в Кружке сходился почти весь артистический мир, Москвы, всегда возможно было устроить что-нибудь более или менее интересное в музыкальном отношении, чем стоявший во главе и бывший одним из старшин, Н.Г. Рубинштейн, умел очень хорошо пользоваться, особенно будучи всегда готов сам исполнить любой ансамбль. П.И. Чайковский редко участвовал в музыкальных исполнениях, разве приходилось кому-нибудь проаккомпанировать (он делал это превосходно), сыграть партию в 4-х или 8-ми ручной пьесе для фортепьяно или, наконец, сменить какого-нибудь пианиста и поиграть для танцев. П.И. по вечерам охотно играл в карты, главным образом в ералаш. Чаще всего его партнерами были А. Н. Островский, П. М. Садовский, В.И. Живокини, И.В. Самарин и др. П.И. играл не особенно хорошо; главным образом ему мешала рассеянность, потому что он никогда не умел сосредоточиться на игре, и за рассеянность ему иногда сильно доставалось от партнеров, особенно от В. И. Живокини, который был очень горячим и очень придирчивым игроком, остальные из названных лиц относились снисходительно к промахам в игре. При нападках на него, П. И. никогда не защищался и не вступал в споры, он считал себя гораздо худшим игроком, нежели был на самом деле, и смиренно, хотя и с огорчением, выслушивал всякие укоризны. Иногда он говорил мне, что больше не сядет играть с таким-то или таким-то требовательным партнером, но немедленно забывал об этом и на следующий раз опять подвергался его нападкам. После игры обыкновенно ужинали за общим столом и здесь большею частью завязывались длинные разговоры; не обходилось, конечно, и без вина, но П. И., за весьма редкими исключениями, был в этом отношении очень умерен и обыкновенно уходил домой не очень поздно, потому что он и в то время, как и после, вставал всегда часов в восемь и никогда не позволяли себе спать дольше, потому что очень

дорожил утренними часами для работы. В Артистическом Кружке П. И. сошелся довольно близко с А. Н. Островским, и знаменитый писатель всегда относился к нему с величайшим расположением; здесь же, вероятно, явилась мысль об опере *Воевода.,*

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.